

ГЕНДЕР И КУЛИНАРНАЯ ОСНОВА КУЛЬТУРЫ*

(Рец. на кн.: **Seasoned socialism: gender and food in late Soviet everyday life / Ed. by A. Lakhtikova, A. Brintlinger, I. Glushchenko. Bloomington: Indiana University Press, 2019. 373 p.)**

doi: 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-193-195

«Русская еда весьма специфична, хотя мы этого не замечаем», — напомнил как-то живущий в США русскоязычный писатель А. Генис.¹ Но если специфичность русской кухни удавалось замечать, и не раз, кому-то из российских (В. В. Похлебкин) или зарубежных (Р. Е. Ф. Смит и Д. Кристиан, П. Вайль и А. Генис) исследователей, то тесная взаимосвязь концептов *пищи* и *гендера* — тема, поднимаемая не столько российскими, сколько зарубежными антропологами (М. Илич, С. Рейд, Л. Этвуд,² К. Варга-Харрис³) начала 2000-х гг. Лишь в последние годы в отечественной науке опубликованы размышления на тему гендерных характеристик общественного питания (их авторы не историки).⁴

Поскольку гендерные исследования предполагают острую критичность, трудно не задаться вопросом: возможно ли, говоря о гастрономии, найти связь гастрономического и тоталитарного, обнаружить в кулинарном искусстве одну из основ тоталитаризма? Ответив положительно, такую попытку первой предприняла десять лет назад томский философ И. Сохань, анализируя «тоталитарный проект гастрономической культуры» в России

1920–1930-х гг.⁵ Ее работа вдохновила коллег по обе стороны океана и мотивировала их к изучению гастрономических практик в разные десятилетия русской и советской истории, поскольку и спустя четверть века после описанного ею периода мало что изменилось: приобретение продуктов питания и в 1940–1960-е гг. оставалось ввиду сохранявшихся сложностей снабжения вопросом выживания для советских граждан и гражданок (на последних лежала забота по обеспечению семьи едой). Ограниченность ассортимента, количества и качества продуктов — причина сохранения очередей, блата, хамства, эгоизма — не вписывалась в советскую идеологию, становясь объектом сатиры.

Работа, выполненная А. Лахтиковой, А. Брайнтлинджер и И. Глущенко, ценна как раз тем, что они поставили целью показать, как практики выживания, сводимые к «доставанию» женщинами и приготовлению ими продуктов питания, отражение этих практик в визуальных нарративах, литературе и СМИ превратились за полвека в норму советской обыденности, в неперемнную ее составляющую.

В сборнике исследований, названном «*Приправленный социализм: гендер и еда в позднесоветской повседневности*», хороша сама игра слов: «приправленной» перцем и солью бывает пища, авторы же использовали термин *seasoned* применительно к социальной системе, доказывая, что «приправкой» еды и продуктов в ней были заняты именно женщины. Анализируя связь между *полом* и *едой* в позднесоветской повседневной жизни, авторы отметили во вводной части («Пища, гендер, повседневность сквозь призму социалистического опыта»), что политика и экономика оказывали на нее прямое влияние. И оно очевидно для антрополога при реконструкции пути следования продовольствия от его производства до потребителя, а особенно при изучении центральной роли женщин

¹ См.: Бурмистрова Ю. Где еда, там и родина. Интервью с П. Вайлем и А. Генисом // Взгляд. Деловая газета. 2007. 22 авг.

² См.: Reid S. Communist Comfort: Socialist Modernism and the Making of Cosy Homes in the Khrushchev Era // *Gender & History*. 2009. Vol. 21, iss. 3. P. 465–498; Ilić M., Smith J. *Soviet State and Society under Nikita Khrushchev*. London; New York, 2009; Attwood L. *Gender and Housing in Soviet Russia: Private Life in a Public Space*. Manchester, 2010.

³ См.: Varga-Harris C. *Stories of House and Home: Soviet Apartment Life during the Khrushchev Years*. Ithaca; London, 2015; Varga-Harris C. *Homemaking and the Aesthetic and Moral Perimeters of the Soviet Home during the Khrushchev Era* // *Journal of Social History*. 2008. Vol. 41, iss. 3. P. 561–189.

⁴ См.: Гендерные особенности питания студентов и их связь с качеством жизни / Гончар Н. В. [и др.] // *Вестн. Сев.-Зап. гос. мед. ун-та*. 2018. Т. 10 (2). С. 73–78; Громашева О. Организация питания в семье: гендерный аспект // *Практики и идентичности: гендерное устройство*. СПб., 2010. С. 159–205.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00191 «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (XVIII–XXI век)» (рук. Н. Л. Пушкарева), по плану НИР ИЭА РАН, в рамках гранта Министерства науки и высшего образования РФ (№ соглашения 075-2020-910)

⁵ Сохань И. В. Тоталитарный проект гастрономической культуры (на примере Сталинской эпохи 1920–1930-х годов). Томск, 2011. С. 8.

в делах поиска еды, удовлетворения потребности в ней в обществе дефицита и очередей. Даже рассмотрение перечня препятствий, с которыми женщины сталкивались при этом, МОЖЕТ дать новый взгляд на динамику происходивших социальных процессов и межгендерных отношений.

Одиннадцать эссе коллективного труда структурированы в три раздела. Первый — «Женщины на советской кухне: кулинарные парадоксы в семье и обществе» — дает представление о парадоксах и противоречиях в жизни советских семей, связанных с доставкой продуктов и их приготовлением, различиях в повседневных практиках столицы и провинции, города и деревни, дачи и трудового лагеря, разных «пищевых культур». Формулируя цель исследования, Д. Голдштейн сочетает несочетаемое и увязывает *дефицит* и *потребность* с *творчеством*. Именно нехватка товаров, утверждает она, порождала в женщинах желание их купить, а если это не удавалось — проявлять смекалку. В воспоминаниях современных респонденток она заметила ностальгию по временам «кухонного дефицита» — как в воспоминаниях о позднесоветской кулинарии, так и в отношении ряда социальных практик, связанных с кухней и едой, их «коллективности» того времени. Женская эмоциональность придает особую окраску этим нарративам о времени, когда «еда была больше формой репрезентации личных умений, нежели видом простого потребления» (р. XVI).

Развивая эту мысль, А. К. Джейкобс показывает, как велик был (несмотря на стремление государства быть главным источником социальных благ) разрыв между декларируемым и реальным, заставляя женщин, «вечно ответственных за сытость» членов своих семей, проявлять чудеса гибкости и адаптивности к трудностям (раздел «Люби, женись, готовь» — р. 39). Советские кухни, делает вывод автор, становились в силу ограниченности пространства, приспособлений для готовки и самой еды местом свободного женского творчества. Это нашло отражение в личных рецептурных блокнотах хозяек (таковых мужчины и не заводили никогда), в устном женском социальном опыте, подкрепленном инициативой создавать что-то свое, а не искать опору в рецептах известных блюд, совершенствовать созданное, «находить изысканное в простом» (этому способствовали соответствующие рубрики журналов «Работница», «Крестьянка»).

При демонстрации своего кулинарного творчества многие женщины блистали: это были моменты признания их свободы и талантов.

Даже в случае гендерных инверсий (готовки еды мужчинами), рассмотренных И. Глущенко, укорененные стереотипы не размывались, а укреплялись, считает она, заставляя женщин отказываться от либерального понижения семейного равенства и «принимать логику патриархальной семьи», в которой мужчина все сделает лучше (и приводя в пример фильмы «Берегите мужчин» и «Москва слезам не верит» с известной сценой жарки шашлыков) (р. 68, 74). В столь часто использованных авторами личных рецептурных блокнотах авторы этого раздела увидели свидетельства «подготовки к трудным 1990-м» (А. Лахтикова), актуализировавшим устную рецептурную традицию и знания, передаваемые из поколения в поколение.

Второй раздел книги — «Производители, поставщики, потребители: сопротивление и согласие в советском духе» — увязан с темой гендерных асимметрий в сфере «добывания» съестного. Особенности потребления престижной еды (икра, копчености в очерке Е. Стяжкиной), пирогов, алкоголя (у Б. Сатклиффа, Л. Левкович) представлены гендерно маркированными: икру, коньяк, кофе доставали мужчины, редкости для пирогов — женщины. Даже приготовление пищи в праздничные дни имело гендерный оттенок: жарка стейков и шашлыков характеризуется как сфера «мужского господства» (р. 113, 193). М. Л. Колдуэлл увидела в этом традиционную гендерную дихотомию «мужчина-приобретатель» / «женщина-кормилица». Но уточним, была ли она применима ко всем социальным слоям советского общества и во всех праздничных случаях? Помнящие то время россияне легко подтвердят, что была масса семей, в которых женщины и в праздник делали все от А до Я — от покупки мяса на рынке и его маринования и до мытья шампуров после шашлыков.

В третьем разделе книги — «Советские начинающие: семиотика повседневного дефицита и ритуальное употребление пищи»⁶ — авторы размышляют об использовании остатков еды (сметаны, ягод, спитого чая и т. д.), диких растений (подорожника, ромашки и т. п.), нехитрых способов создания парилок для лиц

⁶ Zimmerman J. Seasoned Socialism: Gender and Food in Late Soviet Everyday Life (Book Review) // Choice. 2020. Apr. Vol. 57, № 8. P. 904.

как особых «100 рецептов красоты». К. Гусарова и О. Реннер-Фейи едва ли не впервые в изучении российской повседневности сосредотачивают внимание на советской косметике. Они увидели в ней пример «тонкого морального и идеологического влияния, способствовавшего утверждению системы ценностей, социальных и культурных норм», сводимых к так называемому элективному аскетизму для тех, кто хотел выглядеть молодо и здорово (р. 240).

В послесловии, написанном Д. П. Кёнкер, интерсекциональные исследования гендера и всего, связанного с поиском и приготовлением еды, вписаны в широкий социальный контекст позднесоциалистической идеологии. Размышляя о «парадоксах социальной роли женщины в домашнем услужении», она осуждает восприятие такой традиционности как устоявшегося, должного, а потому неизбежного, поскольку именно такая ригидность и мешала советским женщинам, с ее точки зрения, «снискать уважение за невидимыми границами дома, на советском социальном рынке с его особым режимом потребления» (р. 329, 330). Казалось бы, пишет она, подводя итоги анализа женского социального опыта в пространствах магазина, очереди, кухонь, дач, трудовых лагерей, авторитет советской женщины как гаранта сытости всех членов семьи в любых стесняющих обстоятельствах и ограничениях был неоспорим. Казалось бы, именно на них, а не на их безучастных мужьях, держались и будни, и праздники (за исключением семей высшей прослойки партийной номенклатуры и интеллектуальной элиты, которые могли нанять кухарок и домра-

ботниц). Но идеологи «приправленного социализма» старались не замечать этого.

Представляется, что именно эта сторона отношений женщин и советского государства могла бы стать предметом более пристального анализа. Очень важно было бы проследить, как именно женщины и их женские практики (в том числе и заготовки продуктов) сформировали особую коллективность жизни, обширность сетей женской взаимоподдержки (знакомых, с которыми менялись рецептами) — но этому уделено мало места в книге. Если размышлять далее, тема, поднятая коллегами, имеет выход и на проблемы антропологии жизненного пространства, поскольку женские заготовки меняли «лицо» и все пространство дома (ведь для банок с домашними консервами переобустраивали балконы и лоджии, покупали диваны с пространством под матрасом (хранить банки), материальную культуру советской повседневности (в старой хлебнице хранили вырезки с рецептами). Стоило больше сказать и о гендерных различиях досуга и отдыха мужчин и женщин, в частности на дачах (мужчины могли отдохнуть после рыбалки, а женщинам доставалась чистка и обработка рыбы; после походов в лес — чистка и засолка грибов, варка варенья из собранных ягод).

Так или иначе, этот культурный код, обнаруженный российско-американским коллективом автором, похоже, оказался настолько живуч, что легко пережил саму советскую систему. Общие выводы делают это заключение неопровержимым.

*д.и.н. Н. Л. Пушкарева,
Институт этнологии и антропологии РАН (г. Москва)*

*А. В. Жидченко
Университет Канзаса (США, Лоуренс)*